

Юрий Бор

**ЗЕМЛЯ
- ИГРА**

Книга первая

LitRPG

18+

Юрий Бор
Земля-Аркиания

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бор Ю.

Земля-Аркиания / Ю. Бор — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Наш современник, самый обычный студент, становится «попаданцем». В том, что он «попал» сомнений нет, но возникает вопрос - куда? Может это Древняя Русь, которую он должен объединить, чтобы дать отпор захватчикам? Или магический мир, который надо спасти от Тёмного Властелина? Но действительность оказывается куда удивительнее, чем самые фантастические предположения. «Попадает» он в необычное место, которое когда-то было компьютерной игрой, но затем превратилось в настоящий живой мир, в котором бывшие игровые персонажи обрели свободу воли и разум. А в это время, на Земле, боевой маг Аркиании – Альколат Мудрый отчаянно пытается найти создателя своего мира. Земля-Игра #1

Содержание

Глава 1. Сны как жизнеопределяющий фактор	5
Глава 2. Самый обычный попаданец	12
Глава 3.	18
Глава 4. Ох, рано встаёт охрана	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Юрий Бор

Земля-Аркиания

Глава 1. Сны как жизнеопределяющий фактор

Каждое утро начинается по-разному, оно может быть пасмурным, ветреным, солнечным или похмельным, но всех их объединяет одно – необходимость просыпаться.

Несмотря на расхожее утверждение, что утро понедельника добрым не бывает, сегодняшнее обещало быть именно таким. Яркие лучи ласкового весеннего солнца, бесцеремонно ворвавшиеся в комнату через неплотно прикрытые старенькие шторы, весёлыми зайчиками запрыгали по подушке, пытаясь проникнуть сквозь полуприкрытые веки и казалось кричали: вставай, вставай, новый чудный день уже наступил!

Сергей любил это далёкое чувство из детства, когда ты просыпаешься от бьющего в глаза солнечного света, и на душе становится легко и ясно, а день грядущий обещает быть полным новых открытий и приключений и таким же ярким и светлым, как и солнце за окном.

Блаженно потянувшись под одеялом, он перевернулся на другой бок. Открывать глаза совершенно не хотелось. Хотелось ещё раз потянуться, перевернуться и снова заснуть.

Но, несмотря на то, что сегодняшний день не обещал ни открытий, ни приключений и вообще ничего хорошего, вставать все же было надо. Все-таки каждое утро – доброе, и в том, что ты катастрофически не выспался, оно никоим образом не виновато.

Да, спать он вчера лёг поздно, почти в час ночи. После тренировки сборной университета по теннису, его партнёрша – Катя пригласила всех ребят в сауну. У неё был абонемент, и она регулярно там парилась по вечерам.

В тот день бабушке-вахтеру надо было уйти пораньше, и та оставила ей ключи. С виду Катя была девушкой скромной, положительной, бабушки таким доверяют, даже не подозревая, какие водовороты страстей бушуют иногда в сердцах подобных тихонь. Страстей, толкающих на такие глупые и безрассудные поступки, что в результате именно они, а вовсе не «плохие» девочки пополняют собой ряды молодых да ранних матерей-одиночек или становятся клиентами специализирующихся на абортах хирургов.

Но, как уже упоминалось, бабушки об этом или не знали, или за старостью лет основательно подзабыли, чем Катя беззастенчиво воспользовалась, тайком проведя всю команду в парную.

Банно-оздоровительный комплекс при университетском спортзале, в котором они занимались, был хорош. С финской сауной, бассейном, джакузи и запредельной стоимостью посещения. Отказываться от такого, да ещё бесплатно, было бы глупо. Он и не стал.

Тренировка сама по себе закончилась не рано, да и в сауне они засиделись. Компания молодёжи, разгорячённая спортом, паром и друг другом, домой не торопилась. Нет, все было очень прилично, никаких безобразий, обошлись даже без алкоголя, но разбрелись они нескоро. Пока Сергей добрался домой, было уже далеко за полночь.

И хотя спал он отчаянно, можно сказать изо всех сил, но все равно не выспался. Черт, как же это несправедливо, жить в спальном районе и постоянно не высыпаться! Да ещё Ася с этим нелепым звонком в семь утра. Интересно, что она хотела? Сергей немного нагрубил своей подруге и сбросил вызов, так и не узнав причину столь раннего вызова.

Нехотя поднявшись с кровати, он натянул одну штанину и, задумавшись, замер в этой позе. Накатило чувство чего-то упущенного, важного и значительного, того, что ни при каких обстоятельствах забывать нельзя. Сон, точно, ему приснился Сон!

Надо заметить, что сны играли в Серегинной жизни очень важную роль. Сны были яркие, красочные и зачастую неотличимые от реальности.

В первом классе, после полётов во сне, маленький Серёжа, надев на спину ранец, выходил утром на балкон и начинал махать руками, чтобы полететь в школу. И до слёз расстраивался из-за того, что не может взлететь, искренне недоумевая, куда же подевалось то необыкновенное чувство лёгкости, которое было в его теле буквально час назад.

В более позднем возрасте ему приснился сон про ядерную войну. Они с товарищем сидели у него дома, играя в какую-то игру, а на заднем плане что-то неразборчиво бубнил телевизор. Внезапно передача оборвалась, на экране появилась дикторша с заплаканным лицом и потёкшей косметикой, которая срывающимся голосом объявила:

– Граждане, началась ядерная война, через двенадцать минут американские ракеты будут над нашей территорией. Просим всех покинуть дома и спрятаться в бомбоубежища.

Они спустились вниз. Снаружи было множество людей, стоявших тесно, как на митинге, и тишина. Не тот обычный лёгкий гул, который издаёт любое более или менее крупное скопление людей, а полная и абсолютная тишина. В небе показалась четвёрка реактивных самолётов. Кто-то тихо произнёс:

– Наши полетели...

И этот тихий голос, почти шёпот трубным гласом разнёсся над всей площадью.

А затем, эта мёртвая неестественная тишина была разорвана гулким воем автомобильной сирены. Подъехала машина скорой помощи, из неё выбежали санитары с носилками, покрытыми окровавленной простыней. Они стали куда-то продираться сквозь расступающуюся перед ними толпу, как вдруг человек, лежащий на носилках, сбросил простыню, вскочил и истошно заорал:

– Я бомбил Копенгаген! Я бомбил Копенгаген!

Чуть позже, в период полового созревания, ему приснился секс с коровой. Она лежала на спине, широко раскинув ноги, а он копошился сверху на чем-то очень мягком, теплом, податливом. И в этот самый момент, ну когда вот-вот, корова лизнула его в лицо своим языком. Язык был мокрый, скользкий с вздувающимися, как мыльные пузыри, слюнями. Проснулся он в холодном поту и в ту ночь уже не заснул.

Все эти Сны, несмотря на их кажущуюся глупость, впрочем, где вы видели умные сны, оказали влияние на его дальнейшую жизнь и становление как человека и личности.

После сна про войну он навсегда запомнил то чувство полной пустоты и безнадёжности, когда всего несколько минут назад ты жил, радовался, веселился и вдруг все; жизнь закончилась, впереди есть двенадцать минут и больше ничего.

А сон про корову навсегда отбил всякое влечение к полным женщинам. Нет, не то чтобы он не пытался, умом понимая, что за пышными формами может скрываться вполне себе хороший и добрый человек, но каждый раз, представляя в голове секс с такой женщиной, Сергей вспоминал то мягкое и податливое вымя, слюнявый язык, и ужас вперемешку с холодным потом гнали его прочь.

Вот и сейчас, какие-то исчезающие обрывки чувств, ощущение чего-то важного и безвозвратно утерянного подсказывали ему, что это был именно такой Сон. Тот самый, из категории жизнеопределяющих, который обязательно надо было попытаться вспомнить и проанализировать.

Он и пытался, но проходила минута, другая, в голову лезла всякая ерунда. Он вспомнил, что у него уже давно закончился сахар, что не мешало бы заплатить за интернет, в общем, все что угодно, кроме того, что надо. Наоборот, чувство безвозвратной потери притупилось, воспоминание, лёгким ветерком крутившееся в его голове, затихло и куда-то исчезло.

Да и Бог с ним, привяжется вот какая-то ерунда и будет потом целый день не давать покоя и мешать думать о значительном. Встряхнув головой, молодой человек решительно натянув

вторую штанину, встал и отправился на кухню пить свой традиционный кофе, сегодня без сахара.

Внезапно он вспомнил! Нет, не сон, он вспомнил, что сегодня первой парой в институте была вышка. А пропуск этого предмета грозил одноименными последствиями. Чертыхнувшись, Сергей резко ускорил темп перемещения по квартире. Завтрак отменялся.

Раскрыв настежь дверь, он выскочил на балкон и торопливо сорвал с бельевой верёвки футболку. Утреннее солнце светило прямо в глаза. Он глубоко вдохнул, желая вволю насладиться запахом свежего воздуха и цветущей майской зелени, в которой утопал дом, но вместо этого ощутил запах жареной картошки с салом. Сразу появился зверский аппетит. Ещё раз чертыхнувшись и проклиная своих соседей, парень в спешке натянул на себя кроссовки с футболкой и выскочил на улицу. День хоть и обещал быть удачным, но слова своего не держал.

Дорога в институт пролегла дворами. Несмотря на относительную близость альма-матер, старенький спальный район, состоящий из пятиэтажных хрущёвок, с его узенькими улочками и односторонним движением, затруднял возможности использования сомнительных преимуществ самого сексуального в мире вида транспорта – общественного.

Да и не любил он этого дела. Киевские маршрутки по утрам были настолько суровы, что в них нужно было уступать даже стоячие места. По выходным, когда многие «киевляне» уезжали на родину, было ещё терпимо, но в понедельник утром в транспорте творилось нечто невообразимое. Теснота, давка, духота, из-за невозможности открыть окно, которое никак не хотело закрываться в декабре, плюс «доброжелательность» кондукторов, предметом особой гордости которых было то, что «в университетах они не обучались», а также растущая со скоростью грибов в тёплый сентябрьский дождик плата за проезд высасывали жизненные силы и настроение похлеще иных вампиров.

То ли дело быстрым шагом, почти бегом нестись через весенние улицы любимого города, который с наступлением жары превращался в хрустальную мечту детства товарища Бендера – полтора миллиона человек и все поголовно в белых штанах или, что более привлекательно, в коротких юбках.

Быстро проскочив небольшой парк, он с ходу форсировал некогда судоходную, а ныне заброшенную, почти зарытую под землю "речку-вонючку" Лыбедь, затем, пройдя под железнодорожным мостом, выскочил на стройплощадку и недовольно скривился.

На крохотном пятачке возвышалось восемь уже почти достроенных многоэтажных жилых домов. Перед воротами площадки была установлена табличка с названием объекта, реквизитами компании-застройщика и красочной картинкой будущего жилмассива. Контраст между практическим результатом строительства и мечтами архитектора был разительным, что, впрочем, для города, где насколько раз начинали строить аквапарк, а в эксплуатацию сдавался очередной бизнес-центр, было не удивительно.

Но недовольство Сергея было вызвано вовсе не этим. Просто подобные жилые "муравейники" не только уродовали лицо города, тяжким грузом ложась на старенькие советские коммуникации и инфраструктуру, но и обещали превратить их тихий и спокойный район в непригодный для жизни "муравейник".

В своё время жители протестовали против вырубки сквера и будущей стройки. Писали петиции, устраивали демонстрации, даже перекрывали улицы. Но все без толку, у компании-застройщика – "Логарифм-Буд" был железобетонный аргумент в виде личной подписи мэра под разрешением на строительство.

Парень "незлым тихим словом" помянул личность киевского градоначальника, которого всю сознательную жизнь били по голове, и теперь эти побои отражались не только на его интеллекте, но и на улицах города.

Бывший боксер-легенда, а ныне столичный мэр и всеобщее посмешище, пребывал в твёрдой уверенности, что у города нет других проблем кроме плохих дорог. Впрочем, дураки и дороги всегда были главной бедой на Руси. И пока первая беда боролась со второй, недобросовестные застройщики творили полный беспредел, возводя на крохотных участках, по размеру не превышающих загородную резиденцию этого самого мэра, целые города с красивыми и поэтическими названиями, но полным отсутствием условий для нормальной человеческой жизни.

Сергей задумался, а что бы он мог сделать на месте городского главы, или стань он президентом? Сделать можно было много чего. И когда в своих мечтах он уже миновал петровские реформы и вплотную приближался к сталинским, поскольку брить боярам бороду было бесполезно – требовалось рубить головы, его размышления были прерваны телефонным звонком.

Своим вариантом песни «Белые розы» Жанна Агузарова сообщала, что звонит нынешняя Серегина пассия – Ася. Он сдвинул ползунок вызова и поднёс трубку к уху.

– Серёжка, привет! – услышал он знакомый голос, – ты чего утром звонки сбрасывал, не мог своей лапочке ответить?

– Наверное, потому, что я спал и видел сон. А снилось мне, что звонят с того света и отвечать нельзя, а надо сбрасывать. Но, тем не менее, я тебе все равно ответил.

– Ответил он! Называй вещи своими именами. Нахамил ты мне, а не ответил!

– Ася, во-первых, было семь утра. Во-вторых, я не хамил, а вежливо поинтересовался, что тебе нужно в такой ранний час. И, в-третьих, могла бы и сама догадаться, если человек в семь утра не хочет отвечать, может быть он чем то занят. Спит, например.

– Ой, так я тебя разбудила! Ну прости меня, зайчик, я же как лучше хотела, тут такое событие...

– Что? Ты извинилась первая? Кто ты, незнакомая девушка, и куда ты дела мою Асю? – грозным тоном прорычал Сергей в трубку.

– Ну, Серё-ё-ёж, ну прости-и-и, – притворно захныкала Ася, – я же извинилась уже.

– Ладно, проехали. Что там у тебя стряслось?

– Слушай, тут такая удача, вот подфартило, так подфартило! Добыла флаеры в Арсенал на биеннале, выставка наивного искусства, там будет круто! Маринка со своим поругалась, отдала мне, а Танька с подругой ходили, говорят полный отпад! Событие года, мы должны обязательно...

Сергей, немного ошалев от такого напора, слегка отстранил трубку от уха. С Аськой он встречался уже почти год, но все никак не мог привыкнуть к её бешеному темпераменту.

Ася была блондинка, но не смесь брюнетки с пергидролем, а каноническая, от мозга до ногтей. Высокая, стройная, можно даже сказать худощавая, актриса одного из любительских театров, была девушкой отнюдь не Тургеневской и находилась в постоянном броуновском движении. Идеи, мысли, речь, все это выливалось из неё непрерывным, нескончаемым потоком. Она чувствовала, жила и говорила настолько быстро, что иногда казалось, будто она опережает само время.

Познакомились они в галерее Высоцкого, где их труппа давала спектакль к Его юбилею. Роль, которую она играла, была абсолютной её жизненной противоположностью. Спокойная, трагично немногословная. И сыграла она её так, что заслужила искренние аплодисменты немногочисленной публики и цветы от Сергея, за которыми он сбегал к ближайшему подземному переходу и вручил ей после спектакля, дождавшись на выходе.

Именно тогда он и понял, в чем заключается волшебная сила магии актёрского перевоплощения. Маленькая, худенькая девушка, которая совсем недавно заставляла зрителей рыдать, превратилась в один сплошной сгусток энергии, искрящийся радостью и весельем.

Сергей, человек по жизни спокойный и даже немного флегматичный, сперва немного растерялся, а затем вдруг появилось ощущение чего-то родного и близкого, того, что хочется

прижать к себе и больше никогда не отпускать. С тех пор они и сошлись, как шутили их знакомые: «Стихи и проза, лёд и пламень».

Надо признаться, что с Аськой бывало всяко, иногда шумно, иногда беспокойно, но скучно никогда. Поэтому, он может и без радости, но и без особого напряжения сопровождал её на различные тусовки и мероприятия, где она чувствовала себя как рыба в воде и без которых не представляла свою жизнь.

Он снова поднёс трубку к уху.

– ... и одень, пожалуйста, свои рабочие джинсы, те, что с дыркой, которые ты выбросить собирался, это будет как раз в струю, помнишь, как ты странно выглядел в своих брюках среди байкеров, когда мы к Лексу на дноху ходили, а так будет очень даже соответственно. В общем, я в двенадцать у тебя, ты готов и ждёшь меня. О, смотри как в рифму получилось, какой невольник чести, какой поэт во мне гибнет!

– Ась, постой, а что там хоть будет?

– Я же сказала, выставка наивного искусства, событие года, быть обязательно!

– А что это ещё за наивное искусство такое?

– А это, Серёженька, когда ты заходишь туда весь такой наивный, а там тебе кружку показывают алюминиевую и говорят: «Это слепил Пикассо в шесть лет, когда ему было девять, из глины», – и, услышав его недоуменное сопение в трубку, Ася весело расхохоталась, – да расслабься ты, шучу я так. В общем, будем на месте, сам все увидишь.

– Слушай, а может не надо никуда ходить? У меня «вышка» на первой паре. Я же тебе рассказывал про нашу Эльвиру. За любой пропуск её предмета требуется платить, и платить не деньгами, которых у меня все равно нет, а потом и кровью. Тем более, что сессия на носу.

– Сергей, ну нельзя же так? Ты же понимаешь, что не вечно будешь молодым. Когда-нибудь ты тоже состаришься и умрёшь.

– Не понял? Это ты сейчас к чему? – опешил Серёга.

– А к тому, что когда ты попадёшь на тот свет и подойдёшь к воротам рая, выискивая глазами самое пушистое облачко, Святой Пётр спросит тебя:

– Ты кто такой?

– Серёжа, – ответишь ты.

– Это какой такой Серёжа? Тот самый, который не захотел идти со своей заюшкой на выставку в мае 2019 года?! Вон, вон отсюда! Вот как все будет, если мы не пойдём!

– Ясно, значит пойдём, – сказал он обречённо.

– Вот и ладненько! Все, чмоки-чмоки, я в четыре у тебя, будь готов! – радостно прочитала Ася, готовясь завершить разговор.

– Ась, подожди, у меня есть к тебе критический вопрос...

– Эти дни? – сразу догадалась о чем идёт речь девушка. – Нет, ещё не закончились.

– Ася, правильно говорить не эти дни не закончились, а не закончилась неделя минета. – Произнёс Сергей с хитринкой в голосе.

– Таких филологов, как ты, черги в аду, в чан со смолой не кладут, а ложат. Ладно, если будешь послушным мальчиком, можешь рассчитывать. Все, давай, скоро буду.

– В двенадцать, это не скоро, – проговорил он капризно, – а ты пораньше приехать не можешь?

– Нет.

– Почему?

– Нельзя же просто так взять и приехать пораньше. К тому же я только в десять освобождаюсь.

– Ну вот!

– Что, ну вот? Если я в десять освобождаюсь, это вовсе не значит, что буду свободна.

– Эх, Ася, Ася! Ты у меня такая, такая... Я бы сказал, но, боюсь, ты сама все поймёшь.

– Бойся, понимаю. Я такая, какая я есть!

– Да, и глаза у тебя цвета твоих глаз, – печально вздохнул Сергей.

– Все, давай, мне уже бежать надо. Я тебя люблю! Подробности под одеялом. – Протараторила Ася и нажала отбой.

Сергей какое-то время послушал гудки и, вздохнув, произнёс:

– И я тебя тоже люблю.

По дороге в институт он думал о предстоящей выставке. Идти в Арсенал хотелось не очень. Эту площадку, бывший киевский завод «Арсенал», а ныне культурно-художественный комплекс «Арсенал искусств», всерьёз и надолго облюбовали представители различных направлений современного искусства.

К их «творчеству» Сергей относился не очень одобрительно. Один из первых их совместных с Асей походов был именно в «Арсенал», на «Выставку современного английского искусства». Впечатления от современных тенденций в английском искусстве у него остались двоякие, да что там кривить душой, негативные они остались.

Одним из экспонатов была куча силикона на подставке, которая тягучими резиновыми соплями постепенно сползала на пол. По окончании процесса, приходил работник выставки, водружал её обратно, и все начиналось сначала.

Другой экспозиция представляла собой огороженную площадку, на которой размещалась куча пустых пластиковых бутылок и какого-то непонятного мусора.

Венцом же и главной «заманухой» выставки был стеклянный гроб, в котором находилась отнюдь не прекрасная принцесса, а плавал труп пожилого мужчины. Возле него сидел молодой человек в очках и читал какую-то книгу. Табличка на русском и английском языках поясняла, что «произведением искусства» является заспиртованный труп его отца.

Созерцание столь вопиющего образчика современного творчества положило конец его терпению, он схватил Асю за руку и насильно выволок её из этого «храма искусств», за что был награждён званием ханжи и ретрограда.

Идти опять в эту клоаку желания не было, да и пропускать математику тоже не хотелось. Читала её – Эльвира Константиновна или, как её окрестили студенты – «сталинистка». Выглядела она, как постаревшая комсомолка 30–х годов, и была так же неподкупна.

Поэтому, пропуск её лекций мог быть чреват последствиями, настолько не совместимыми с продолжением учёбы в институте, что даже один из его одноклассников – Мамука (сын владельца небольшой сети бензозаправок, предпочитавший сдавать экзамены путем частичного перенаправления потока нефтедолларов в бездонные карманы преподавателей и посещающий лекции настолько редко, что каждое его появление в институте отмечалось грандиозной попойкой), и тот был вынужден с этим считаться.

Но делать было нечего, требовалось отгонять от Аси различных творческих личностей, которые, как мухи на мёд, слетались при виде молодой, симпатичной девушки, и к коим она питала несомненную симпатию. Так что Сергей только вздохнул и, развернувшись, двинулся в обратном направлении.

Вернувшись домой, он быстро переоделся в потрёпанные джинсы, дырка на колене в которых появилась не по прихоти кутюрье, а в силу естественных причин и старенькую футболку с надписью «Windows must die», которые давно собирался выбросить, но все никак не доходили руки.

Затем подошёл к зеркалу и, критически оглядев себя, ещё раз пожалел, что не успел избавиться от этого рванья, и что Аська наверняка будет довольна его прикидом, именно прикидом, поскольку назвать это одеждой было трудно.

До её прихода оставалось больше двух часов. Наскоро перекусив, он решил убить время за игрой в компьютер.

В игрушки он играть любил, но делал это достаточно редко, банально не хватало времени. Учёба, спорт, личная жизнь отнимали все свободное время и ещё немного.

Компьютер был хоть и игровой, собранный своими руками, но достаточно старенький, современные игры уже не тянул, давно нуждаясь, даже не в обновлении, а в полной замене. На нем были установлены всего две игрушки: лёгонькая космическая аркада «Star defender» и любимые «Heroes of Might and Magic III». Последнюю он и запустил.

Его знакомство с миром компьютерных игр началось именно с Героев 3. Он пробовал играть и в более свежие версии, но это было уже не то, не было в них духа настоящих Героев, поэтому они были безжалостно снесены, а третья вернулась назад, навечно оставшись в сердце и на жёстком диске.

Выбрав рэндомный сценарий, Сергей уже битый час лениво елозил мышкой по столу, руководя своим Героем, отчаянно мечущимся по карте в поисках святого Грааля, и не заметил, как потихоньку стал подкрадываться сон.

Сперва, пару раз клюнул носом, потом голова опустилась на клавиатуру, направив Героя в направлении, абсолютно противоположном от предполагаемого местонахождения вождя клана Грааля, а сам он ощутил себя в какой-то клубящейся тьме.

Вокруг была абсолютная темнота, но каким-то образом, Сергей видел, как эта темнота извивалась ещё более тёмными, похожими на языки пламени лепестками. И ещё, он мог на ней стоять, но удивляло не это, а приглушенный голос, монотонно бубнивший откуда-то издали:

– ... к тебе взываю я, зов мой от низшего к высшему, приди и помоги равному, помоги брату своему. Тебя молю, приди и помоги в беду попавшему.

Текст этого бреда озадачивал и удивлял. Его старший брат уже давно жил в Германии, был человеком трезвым, уверенно стоявшим на ногах; в случае необходимости, звонил ему по Скайпу и уж точно не стал бы «взывать и молить», да ещё таким заунывным голосом.

Тут бубнеж на секунду прервался, а затем тот же голос, но уже раздражённо и яростно, рявкнул:

– Да приди же ты, наконец, иди, я чувствую тебя, сделай шаг!

Сергей от этого неожиданного перепада вздрогнул и шагнул во тьму.

Глава 2. Самый обычный попаданец

Темнота. Ленивое жужжание то ли шмеля, то ли пчелы, душистый запах свежей травы. Не свежескошенной, а именно свежей, которая растёт на поляне в лесу или на лугу, а сейчас почему-то лезет в лицо и щекочет уши и нос. Слабое дыхание тёплого ветра скользит по лицу. В ушах звенит многоголосый, радостный щебет птиц. Правда, какой-то ненастоящий, больше похожий на мелодию «Звуки дневного леса», которую Сергей любил включать, когда они с Асей занимались сексом.

Ася! Она же должна вот-вот прийти, а он тут лежит, траву нюхает. Стоп, какую траву, откуда в его квартире могла появиться трава? С небольшим усилием глаза приоткрылись, и темнота мгновенно взорвалась ослепительным светом.

Светило стоящее в зените солнце, его яркие лучи били в глаза, заставляя их щуриться, а в небе величаво проплывало большое пушистое облако. Рывком подняв вдруг ставшее непослушным тело, он сел и огляделся вокруг.

Вместо привычной обстановки родной квартиры его окружал густой лес, но странно было не это. Самым странным казалось ощущение какой-то внутренней неловкости, как будто на его одежду нацепили кучу грузиков, распределив их при этом весьма неравномерно.

Сергей оглядел себя. Какая-то нелепая одежда – длиннополый кафтан из грубой кожи, на груди и плечах слой более плотный, похоже, спрессованный в несколько слоёв. Хотя он с трудом представлял, как должен выглядеть кафтан, но именно это слово, как нельзя лучше, подходило к этому одеянию.

Облегающие штаны, тоже из кожи, правда, более мягкой, качественно выделанной. Опять же, кожаная рубашка из совсем уже мягкой, более похожей на замшу кожи, и высокие ботинки, отдалённо напоминающие армейские берцы, но со шнуровкой в виде верёвки, охватывающей голенище и не позволяющей им свалиться с ног.

Венчал же это кожаное изобилие металлический пояс, из овальных, цвета до блеска отполированного серебра пластин, крепящихся друг к другу на тонких, напоминающих оконные петли стержнях. К поясу были приторочены ножны, с торчащей из них сабельной рукоятью, и небольшая кожаная сумочка.

«Что за мечта байкера, – мелькнула мысль, – ещё кафтан ловко обрезать под «косуху», и Аскины приятели на мотоциклах удавятся от зависти».

Нагнувшись, он попытался расстегнуть ремень для более детального изучения. Рукой поправил упавшую на лицо прядь шелковистых светло-русых волос и обмер.

Всю жизнь он был брюнет и причёску носил короткую, спортивную. Парик? Рука непроизвольно дёрнула за волосы. Волосы были настоящие, а вот рука, рука была не его.

Широкая ладонь с более длинными чем у него пальцами, на каждом из которых было надето по массивному, грубой выделки перстню с цветным, явно драгоценным камнем, она была абсолютно чужой!

Резко вскочив на ноги и слегка пошатнувшись, он понял, что чужим было все: руки, ноги, голова, одежда, все это было не его! В голове что-то щёлкнуло, и сразу вспомнились события последних минут, часов? Темнота, таинственный голос, шаг в неизвестность. Сколько он тут провалялся, в этом лесу? Куда он вообще попал? Попал? Слово сверлом ввинтилось в мозг, и все сразу встало на свои места.

«Ну что ж Серёжа, могу вас поздравить, – мысленно обратился он сам к себе, – вот вы тут стоите, вертите вокруг чужой башкой, а ведь вы теперь «попаданец».

Как и многие в его возрасте, он увлекался фантастикой и прочёл несчётное количество книг про так называемых «попаданцев», где герои чудесным образом переносились из своего времени в другие миры или эпохи.

Обычно, это были какие-то поворотные моменты истории, её ключевые точки: Великая Отечественная война, революция 17-го года, петровская эпоха или татаро-монгольское нашествие.

Герои нигде не терялись. Быстро вникали в суть происходящего, ловко вписывались в окружающий мир и хорошо продуманными точечными воздействиями двигали историю в нужном им направлении.

У них всегда все получалось. Если они говорили, то в их голосе звучал металл. Если они на кого-то смотрели, то их взгляд пронизывал насквозь.

Необузданный Пётр I, нервно дёргая щекой, нёсся выполнять распоряжения поручика Преображенского полка. Адмирал Колчак, под мудрым руководством неизвестно откуда взявшегося офицера и дворянина, триумфальным маршем занимал освобождённую от красных Москву. Товарищ Сталин, с блокнотом в руках, внимательно конспектировал откровения бывшего офисного клерка, а Иван Грозный, за суровость прозванный Васильевичем, заискивающе глядя в суровые глаза попаданца, покрывался холодным потом от страха. Персонажи помельче и послабее духом, так просто падали в обморок от одного их взгляда.

Если же попадался кто-то более стойкий, способный не обделаться при звуках «стального» голоса, то они, не раздумывая, пускали в ход оружие, уничтожая смельчака, его родных, друзей, просто подвернувшихся под руку персонажей. А потом, на добром десятке страниц, морализировали в оправдание своей «необходимой» жестокости.

Каждый из них или попадал с тюками необходимых вещей, или обживался ими по ходу дела. Хомячество, иногда, достигало каких-то невероятных размеров.

Запомнился один герой, которого занесло в 41-й год, под Ровно, где он объявил персональную войну немцам, бандеровцам и прочим полициям. Уничтожая врагов сотнями и тысячами, он неизменно обдирал их, как липку. Сперва он просто таскал награбленное с собой, затем за ним начал ездить обоз с имуществом.

Размеры обоза все увеличивались и увеличивались. Организованный им партизанский отряд, выполняя несвойственные ему функции, связанные с обслуживанием этого хозяйства, лишь изредка отвлекался на боевые действия и исключительно для восполнения «стратегических» запасов.

Когда размеры обоза превысили все мыслимые и немыслимые пределы, герой принялся зарывать весь этот хабар на чёрный день, который никак не наступал.

К концу книги все ровенские леса были перерыты и заполнены тайниками, а этот суперхомяк на трофейных самолётах ловко перевозил самое ценное в Швейцарию.

Сергей критически оглядел доставшееся ему небогатое имущество. Обозами тут не пахло, вещи были из категории «все своё ношу с собой».

«Может ещё прибарахлюсь, со временем», – решил он и продолжил осмотр своей одежды. Не без труда разобравшись, как работает пряжка, снял с пояса ремень и покрутил его в руках. Ничего интересного. Открыл сумочку, которая, как оказалась, служила предыдущему владельцу кошельком. Внутри находилось с полсотни монет. Немного меди, серебра, но в основном золото.

Он вытащил на свет золотую монетку, и внимательно её изучил. Размером она была с царскую пятирублёвку. На одной стороне находился чей-то кудрявый профиль, с венком на голове. На другом какая-то надпись, похоже, что на латыни.

Вытащив ещё одну монетку, чуть мельче предыдущей, он обнаружил уже другой профиль, более упитанный и увенчанный короной. Цифр на них не было.

Взвесив сумочку в руке, подумал: «эх, знать бы ещё, много это, или мало?». По расценкам прежнего мира, где за 5 золотых рублей времён Николая II, на чёрном рынке давали до 500 долларов, сумма хоть и не астрономическая, но и не малая для повседневной носки.

Приснопамятный отец Фёдор, за всю свою жизнь, скопил куда меньше. Но что можно было за них купить в этом времени, было пока неизвестно. Ссыпав монеты обратно в кошель, и заодно спрятав в него снятые с пальцев перстни, он приступил к осмотру оружия.

Потянув за рукоять, вытащил саблю и внимательно её оглядел. Сабля напоминала казацкую шашку, но с более массивной рукоятью, украшенной драгоценными камнями. Нездоровая страсть предыдущего владельца к драгоценностям начинала напрягать. Лезвие, хоть и гладко отполированное, было слегка выщерблено, свидетельствуя о низком качестве металла, из которого оно было изготовлено.

Сергей взмахнул саблей, пробуя баланс, и рука рефлекторно выполнила какое-то сложное движение, похожее на восьмёрку. Кажется, предыдущий владелец носил оружие не только для красоты. Память тела подсказывала, что обращаться с ним он умел.

Дополнительный осмотр одежды, тоже не дал много информации. В карманах не порошья, их попросту не было, ни на куртке-кафтани, ни в штанах.

Расшнуровал ботинки, под ними обнаружились не портянки, как он ожидал, а что-то вроде толстых носков, в форме валенок, только из ткани.

Несомненным было одно – все одетое на нем, оказалось ручной работы. Даже строчки на одежде, хоть и аккуратные, но сделаны были, явно, вручную.

Осмотр был закончен, а значит пришло время отвечать на вопросы и делать выводы. Решив сакраментальные «кто виноват и что делать?» отложить на потом, Сергей задал себе первый вопрос – «где я нахожусь?».

Ещё раз оглядев лес вокруг опушки, он понял, что окружающая растительность ответа на этот вопрос не даст. Смесь хвойных и лиственных деревьев, густых кустарников и сочной зелёной травы с одинаковым успехом могла произрастать как в средней полосе России, так и где-нибудь в Западной Европе.

Но он, все же, склонялся к мысли, что это должна быть Русь-магушка. Логика подсказывала, что если бы высшие силы, или кто там его сюда переправил, хотели изменить ход западноевропейской истории, то они, скорее всего, отправили бы на это дело кого-нибудь более подходящего. Какого-нибудь там арийца или англосакса. А раз выбрали его, русского, то и земля, по логике вещей, должна быть тоже русской.

Тогда, как говорил поэт, возникает следующий вопрос: «Какой сегодня нынче век, какая смута?».

Судя по одежде – средневековье, а судя по наличию в кошельке римских монет – средневековье раннее. Римская империя или существует, или развалилась совсем недавно, раз её монеты все ещё имеют хождение. Ведь если иностранные деньги попадали в казну какого-либо монарха, имеющего право и возможность чеканить монеты, то они, почти всегда, переплавлялись на кругляшки с физиономией этого самого монарха.

И дело было не в том, чтобы увековечить себя любимого, а в том, что в процессе переплавки, путём экспериментов с добавлением в золото меди или серебра, этих монет становилось значительно больше. А какой монарх избежит искушения пополнить казну таким нехитрым способом?

Когда там у нас Римская империя распалась, в 5-ом, в 6-ом веке? Хотя какая разница, Сергей настолько смутно помнил историю средних веков, что плюс-минус 100 лет большого значения для него не имело.

Ну а какая смута, какой переломный момент мог быть на Руси 5–6-го веков? В голову приходило только татаро-монгольское нашествие, но это было значительно позже. Разве что междоусобица, которая лет через 500 достигнет таких размеров, что придётся даже варяга звать «княжить и володеть». Может быть, по высшему замыслу, его предназначение и есть объединение земель русских намного раньше положенного срока?

А что, логично, объединённая Русь даёт отпор татарам. Поляки и шведы не отщипывают куски от ослабленной игом страны, и история идёт совсем другим путём.

Мысленно примерив на голове корону Рюрика, новоявленный собиратель земель русских поморщился. Нет, не сходится. Проблема не в объединении. Когда оно произойдёт, раньше или позже, для отражения нашествия большого значения не имеет. Проблема была в развале Киевской Руси. А чтобы его не допустить, заброску надо было осуществлять в 12-й век, и уже там пытаться сохранить первое русское государство. По крайней мере, это было бы логичнее.

А может сейчас и есть 12-й век, а монеты появились в кошельке случайно? Ну нашёл какой-то средневековый «чёрный» археолог римский клад, да и пустил в оборот. Если уж в 21-ом веке находят римские сокровища, то в 12-ом это сделать было не в пример легче.

Нет, на нем нет креста, причём в буквальном смысле. Нательного крестика он на себе не обнаружил, а насколько он знал, в средние века это был обязательный к ношению атрибут. Отсутствие одного могло быть чревато самыми неприятными последствиями, вплоть до летального.

Значит, с некоторыми оговорками, принимается первоначальная версия: где и когда – Русь до её крещения, где-то между 5-м и 10-м веками. Вероятная цель – объединение раздробленных княжеств в единое государство.

Тогда возникает следующий вопрос, а кто он, собственно, такой и какой стартовый бонус дали ему пресловутые «высшие силы» для выполнения столь титанической задачи?

То, что он не крестьянин, не вызывало никаких сомнений. Не мог средневековый крестьянин носить оружие, да ещё и кошель с золотом на поясе.

А кто может? Купец, феодал, воин? Мог ли купец носить оружие? Купец, даже очень богатый, все равно оставался простолюдином и, следовательно, оружие носить не должен был, плюс кафтан его больше напоминал лёгкий доспех, чем одеяние торговца. Да и молод он был для серьёзного купца. Доставшееся ему тело, хоть и было старше его настоящего возраста, но не намного, лет может на десять, никак не более.

Воин? Воин мог носить оружие, да и возраст подходящий, но могла ли тогда у него быть с собой такая крупная сумма? Плюс перстни и сабля с драгоценными камнями? Вряд ли. Жизнь воина красива, но коротка. Напал, захватил добычу, спустил её. Накопительство не входило в перечень воинских привычек. Потому что плодами его, скорее всего, воспользовались бы, даже не наследники, а более удачливые коллеги с противоположной стороны клинка.

Разве что наёмник по окончании контракта, возвращающийся с добычей. Хотя вряд ли, перстни на пальцах сидели как влитые, то есть были изготовлены на заказ, а не сняты с поверженных врагов.

Нет, не воин. Феодал? С большой степенью вероятности, по крайней мере, этой версии ничего не противоречит, а значит не нужно создавать лишние сущности, и следует принять её как рабочую.

Итак, по предварительной версии, он перенесён, какими-то высшими силами в тело древнерусского феодала для свершения какой-то великой миссии, скорее всего объединения Руси.

Оставалось ещё множество вопросов, если феодал, то каков его статус? Более или менее ориентируясь в западноевропейской дворянской табели о рангах, во всяких там герцогах, графах, виконтах и шевалье, он абсолютно не помнил, а скорее всего, просто не знал, как называлась древнерусская знать.

Наверху, понятно, князь, а под ним кто, бояре? А как они различались – младший боярин, старший боярин? Были ли у них какие-то знаки различия?

В голове появилась картина степенных бородатых мужиков с лейтенантскими погонами на плечах. Мужики на вытяжку стояли перед князем, в увенчанной кокардой шапке Мономаха и лампасами на шароварах.

Нездоровое какое-то веселье. Слишком уж легкомысленно он относится к своему перемещению. Читая все эти попаданческие истории, Сергей часто ставил себя на место героев. А как бы он повёл себя в окопе, под Курской дугой, или в штыковой атаке, на Бородинском поле? Сохранил бы самообладание под татарскими стрелами или под взглядом Берии?

Героям, разумеется, все это было нипочём, а вот в себе Сергей не был так уверен. Тем удивительнее оказалась действительность. Перенесясь за сотни лет, из привычного родного мира, попав неизвестно куда и неизвестно в когда, да ещё в чужом теле, можно было ожидать чего угодно. Истерики, паники, апатии, наконец. Ничего этого не было. Он был совершенно спокоен. Ну, может, слегка взволнован. Простое осознание и принятие факта перемещения. Даже какая-то бесшабашная лихость и азарт – мол, где наша не пропадала.

Чем обуславливалось столь поразительное хладнокровие, личными качествами или всем попаданцам полагалось нечто вроде успокоительного при переносе, было не понятно, и он продолжил свой анализ.

Где находится его феодал, или как он там, на Руси, назывался – удел, вотчина? Почему ему не сиделось в своих хоромы «на кормлении», а занесло в этот лес, да ещё в одиночку? Каким образом он должен объединять князей, превыше всего ценящих личную свободу?

Может у него пронзительный взгляд появился? Жаль проверить не на ком. Или металл в голосе? Сергей даже принял величественную позу и громко произнёс:

– На колени смерды, головы рубить буду!

Больше, как одному литературному герою, кроме фразы «Милостиво повелеть соизволил», ничего старорусского в голову не приходило. Голос был как голос, более низкий, чем у него, с лёгкой хрипотцой, он ему даже понравился. Но вот то, что при его звуках все будут падать ниц и трепетать, вызывало глубокие сомнения.

Информации для более точных выводов и разработки планов на ближайшее будущее катастрофически не хватало. Надо было прекращать бесполезное гадание на кофейной гуще и начинать действовать.

Предварительный план был следующий: выйти из леса, найти людей и, крепко держа язык за зубами, дабы этот язык не довёл до тюрьмы или сумы, ловко вызнать реальное положение вещей. Приняв это решение, он поднялся на ноги, опоясался и двинулся в сторону леса, где, как ему казалось, чаща была не такой непроглядной.

Лес был странный. Нет, на первый взгляд ничего необычного. Зеленели деревья, по земле мягко стелилась трава, воздух был наполнен душистым ароматом трав и разогретой древесины, дикие пчелы громко жужжали, перелетая с цветка на цветок. По траве сновали букашки, муравьи, выстроившись в цепочку, двигались по каким-то своим, муравьиным делам. Но чу, из-за куста, на мгновение, выглянула любопытная заячья мордашка и тут же скрылась обратно.

Сергей на секунду замер. Что это ещё за «чу»? Откуда оно взялось? Пришлось даже встряхнуть головой, чтобы отогнать эту непонятным образом влезшую в его мысли «некрасовщину» и усилием воли вернуться к прерванным рассуждениям.

Все выглядело очень живописно, но, в тоже время, что-то было не так. Как в детстве, когда бабушка водила маленького Серёжу гулять в парк, там было дерево с широкой, раскидистой кроной, которая, опускаясь до самой земли, образовывала такой себе природный шатёр, куда почти не проникали солнечные лучи.

Каждый раз, забираясь под это дерево, Серёжа представлял, что он находится в волшебном лесу, и где-то рядом могут прятаться Баба Яга или Леший.

Вот и сейчас у него возникло такое же чувство. Этот лес, несмотря на кипевшую вокруг жизнь, больше напоминал декорации из фильма «Новогодние приключения Маши и Вити», какой-то он был не настоящий. Казалось, ступишь за дерево, а оттуда вдруг выскочит кикимора или дикий кот Матвей.

Но кот Матвей из-за дерева не выскочил, наоборот, за деревом оказалась хорошо протоптанная тропинка. Ага, а вот и первые следы цивилизации, ну что ж, вперёд!

Когда-то Сергей читал, что половец обязательно должен сделать три вещи:

1. Рассказать все товарищу Сталину.
2. Набить морду товарищу Хрущёву.
3. Перепеть Высоцкого.

Причём последнее, у нормального половеца, стояло даже выше, чем спасение мира.

Если с первыми двумя пунктами, из-за особенностей средневековой действительности, могли возникнуть определённые трудности, то с последним все было вполне выполнимо. Тем более, его новый хрипловатый голос подходил для этой цели намного лучше прежнего юношеского фальцета. И, замурлыкав себе под нос «Идут по Украине, солдаты группы Центр», он бодро шагнул на тропинку и отправился покорять этот мир.

Где-то часа через два, энтузиазм и темп продвижения начали потихоньку спадать. Живот стал подавать знаки, что неплохо бы было и подкрепиться.

По дороге встретился небольшой ручей, из которого он напился удивительно вкусной ключевой воды. А вот с едой было не очень, предыдущий владелец его нынешнего тела запасов не держал, а самостоятельно найти что-то съедобное в лесу, для городского жителя, задача явно не тривиальная.

Тропинка без конца и края продолжала мягко стелиться под ноги, абсолютно не спеша выводить свежеспечённого половеца к обжитым людьми местам. Сергей уже не пел, а тихонько насвистывая «Если друг оказался вдруг...», вяло передвигал ноги, когда где-то сбоку раздался громкий девичий крик:

– Помогите, помогите!

Глава 3.

Маша, волки и неправильные римляне

Мужчина может быть трусливым, может быть слабым или просто равнодушным эгоистом, но при звуке женского крика, первая реакция всегда будет одна – не раздумывая броситься на помощь. Это уже потом, когда включатся мозги, можно будет сделать вид, что ничего не заметил, пройти мимо или просто сбежать.

Сергея можно было назвать осторожным, но трусом он не был никогда. Как только крик достиг его ушей, он стремглав рванул сквозь кусты, по направлению к источнику звука. Включившаяся через мгновение осторожность заставила его чуть придержать шаг, и к проступающей сквозь редющий лес поляне он уже не бежал, а двигался быстрым шагом, стараясь ступать по возможности бесшумно.

В самом центре поляны стояла русоволосая девчушка лет восьми-деяти, одетая во что-то наподобие сарафана. Пухленькие щёчки, здоровый румянец на щеках, одеть ей на голову платок, и получилась бы вылитая Маша из мультика, который про неё и Медведя.

Она вертела головой по сторонам, периодически взывая о помощи. Причём испуга в её голосе не было совсем. Кричала она даже как-то весело. С таким выражением, обычно, торговки на базаре расхваливают свой товар: «Кукуруза, кукуруза, горячая кукуруза!»

Чуть замешкавшись, Сергей все же ступил на поляну. Заметив появление слушателя, девчушка с энтузиазмом замахала руками и заорала ещё громче и веселее:

– Дяденька, дяденька помогите, спасите, не дайте погибнуть!

Ещё раз оглядевшись по сторонам и не обнаружив никакой видимой опасности, он приблизился к девочке и заговорил:

– Здравствуй, красна девица! А поведай-ка мне, от какой беды-лиха спасти тебя надобно? – и запнулся от несуразности их диалога.

Девочка говорила с ним на обыкновенном русском языке, безо всяких там гой еси и добрых молодцев, а вот его понесло куда-то не в ту степь. Смущённо прокашлявшись, он продолжил уже нормально:

– Так что случилось, чего кричишь-то? Заблудилась, что ли?

– Нет, дяденька, не заблудилась. Волков я боюсь, съесть они меня хотят, – объявила девчушка, – проводите меня до дома, а отец награду малую даст, – и доверчиво вложила ему в руку свою ладошку.

Волков Сергей не боялся, волки просто так не нападают. Разве что сильно изголодаются. А если и нападут, то для здорового, сильного мужчины, да ещё и с саблей на поясе они не противники.

Привести девочку домой было заманчиво с точки зрения легализации. Одно дело, когда ты появляешься в чужом посёлке, да ещё в чужом мире, не зная местных реалий и обычаев, и совсем другое, если ты приведёшь к отцу заблудившуюся малолетнюю дочь, спасителю многое простить смогут.

– А дорогу домой хоть знаешь?

– Да тут недалече, по тропинке, она прямо к посёлку нашему ведёт. Мы там на самом краюшку живём, – и добавила по-английски, – You won't miss it.

Затем, взяв опешившего спасителя за руку, потянула обратно в лес, из которого он только что вышел. Сергей, как сомнамбула, двигался за ней. Мысли в его голове бешено вращались, периодически сталкиваясь друг с другом и никак не желая выстроиться в хоть в каком-то стройном, логическом порядке.

Древнерусская девочка, говорит на чистом и достаточно грамотном современном русском, да ещё употребляет английские фразы. И при этом ..., закончить мысль не позволил громкий, угрожающий рык. Замерев на месте, Сергей медленно повернулся.

С противоположного краю поляны, из-за деревьев, медленно выходил огромный чёрный волк. Даже не волк, а настоящий волчара. Достигая в холке не меньше полутора метров, он больше походил на хорошо упитанного телёнка, чем на облезшую, худую помесь овчарки с дворнягой, которая сидела в вольере киевского зоопарка, под гордой табличкой «Волк обыкновенный». За ним двигались два его более мелких собрата.

Быстро задвинув девочку за спину, он слегка подтолкнул её, придавая ускорение по направлению к лесу, а сам принялся лихорадочно наматывать на левую руку свой ремень.

Умение в самый опасный и ответственный момент сохранять самообладание было, наверное, в их семье наследственным. Когда-то его мама, любившая включать в комнате магнитофон и забывать про него, почуяла с кухни запах дыма. Китайская техника, домотав кассету до конца, вместо автостопа «включила» функцию самовозгорания.

Открыв дверь в комнату, мать обнаружила набирающий силу пожар. Горел сам магнитофон, стол на котором он стоял, книжная полка над столом, начинали заниматься обои.

Анна Константиновна, несмотря на то, что была женщиной ранимой и впечатлительной, сперва, притащив из ванны несколько тазиков с водой, залила пожар, а затем уже пошла в соседнюю комнату терять сознание.

И у Сергея тоже были в жизни такие моменты. Когда Ася, открывавшая консервную банку, до кости разрезала палец, Сергей, в обычной жизни не выносивший вида крови и даже закрывавший глаза, когда по телевизору показывали подобные сцены, абсолютно хладнокровно, без каких либо эмоций сумел остановить кровь и наложить повязку.

Вот и сейчас, глядя на начинающее разбег чудовище, его мозг абсолютно спокойно, как калькулятор, прорабатывал последовательность действий. Раз – намотать ремень на руку, два – выставить руку вперёд, чтобы волк в неё вцепился, три – ударить саблей в брюхо.

Заметив, что волк начал семенить лапами, подстраиваясь под прыжок, он направил в его сторону левую руку с ремнём, жалея, что в ней нет какой-нибудь горящей головешки, которой можно было бы ткнуть тому в харю.

Он настолько явно представил, как пламя входит в раскрытую пасть, что на мгновение зажмурил глаза. Когда он их открыл, от его руки с ужасающим рёвом газовой горелки в сторону несущейся на него твари рвался поток огня.

Когда они встретились друг с другом, волк на мгновение превратился в пылающий огненный факел, который, правда, моментально затух. Атака прервалась, огромное животное сидело на задних лапах, ошарашенно трясая головой и как-то жалобно, по-щенячьи, поскуливая.

Сергей, не теряя времени, подскочил к нему и с размаху ударил саблей по голове. Удар не принёс ощутимого результата, кроме небольшого разреза на лбу, а вот рука мгновенно онемела. Волчий череп по крепости мог поспорить с камнем.

Оббежав волка, он, со всей силы налегая телом, вонзил саблю ему в бок, в то место где, предположительно, должно было находиться сердце. Наверное, попал, потому что, последний раз взвизгнув, гигантская туша начала медленно заваливаться на землю.

Как ни странно, но ни бушующий огонь, ни бесславная кончина вожака не испугали двух оставшихся зверей. Оба серых вскочили на ноги и, на какое-то мгновение замерев, как будто не могли поверить в то, что их чёрный собрат не смог самостоятельно справиться с такой, как казалось, слабой добычей, одновременно бросились в атаку.

Ширина поляны была метров тридцать. Много это или мало? Безусловно много, если это расстояние надо проползти на карачках, выпалывая сорняки на огороде, но безумно мало для разгоняющихся со скоростью стартующего мотоцикла хищников.

За те несколько секунд, которые оставались до столкновения, Сергей успел выбросить руку по направлению к одной из несущихся на него серых теней и представить рвущееся из неё пламя.

Получилось. Ставшая, на мгновение, огнём рука превратила одного из нападающих в огненный шар. Серые оказались значительно слабее своего чёрного собрата, опавший огонь обнажил лежащее ничком мёртвое тело. А вот вторая bestия, прыгнув, вцепилась в выставленную вперёд руку.

Покачнувшись от толчка, но, все же, устояв на ногах, он ловко вогнал саблю в мягкое, податливое брюхо повисшего на руке волка. Тот сразу обмяк и, разжав зубы, свалился под ноги.

Победа далась нелегко, сделав пару шагов от поля битвы в сторону леса, Сергей бесильно опустился на землю. Сердце бешено колотилось, воздуха катастрофически не хватало, по телу струился горячий пот, а изнутри стремительным потоком накатывало странное ощущение холода.

От осознания того, что он только что находился на волосок от гибели, наступил запоздалый шок. А ведь если бы не рука-огнёт, ему бы не выжить в этой схватке. Если он едва устоял после прыжка мелкого волка, то большой наверняка сбил бы его с ног, а дворовое правило «лежащего не бьют» тут бы точно не сработало.

Чуть отдышавшись, он завертел головой в поисках девчонки. Та никуда не убежала, стояла чуть в стороне и с каким-то нездоровым интересом осматривала поле битвы. Никакого страха на её лице не было. Наоборот, казалось, она сейчас захлопает в ладоши, как после захватывающего циркового трюка, когда дрессировщик вложил голову в пасть тигра, и вынул её обратно целой и невредимой.

Обошлось без аплодисментов. Подскочив к нему, девочка радостно зашебетала:

– Ух, как ты его шаром огненным-то, а потом сабелькой бац, бац! Прямо как тот дяденька, который меня в прошлый раз спасти хотел.

– А чего хотел, не получилось что ли? – с сарказмом поинтересовался Сергей.

– Неа, сожрали его волки проклятушие.

– А ты как же, сбежала?

– Не, меня тоже сожрали. Ух, чтоб им!

Да, «... а как же ты дедушка? А меня внушек немцы расстреляли!» вспомнился ему старый анекдот. А девочка-то, похоже, не в себе. Не удивительно, от такого зрелища с сопутствующими переживаниями и у взрослого крыша поедет. Надо вести её домой, сдавать с рук на руки родителям, а то и в самом деле сожрут дурёху.

– Ладно, пошли уж, – сказал он, поднимаясь на ноги, но девчонка осталась на месте.

– Эй, ты чего? Идти не можешь?

– Надо отрезать у волков хвосты.

– Это ещё зачем?

– Трактирщик даст за них награду, надо отрезать хвосты.

– Ну, надо так надо, – обречённо вздохнул Сергей и, доставая саблю, направился к волчьим тушам. Он не стал рубить хвосты целиком, а отрезал по пушистой кисточке с их концов.

– Ну что, порядок? Теперь можем идти?

Девочка удовлетворённо кивнула, и они продолжили свой путь по тропинке.

Маша, как он её про себя прозвал, вприпрыжку бежала впереди, иногда сворачивая с тропинки, чтобы сорвать спелую ягоду с куста или какой-то цветок.

Парень почти не обращал на неё внимания. В голове опять завертелся хоровод мыслей. Он умеет выпускать огонь, классический файербол или, как его назвала девочка, огненный шар. И её это его умение ничуть не удивило, значит, раньше она уже такое видела, и он не один тут такой уникальный.

Кстати, надо будет узнать, а не дяденька ли, которого съели, шаром пулялся, или он только сабелькой бац-бац делал. Так что это если не магия? Вот чего-чего, а магии в Древней Руси точно не было. О ней, в какой ни будь «Повести временных лет», точно бы упомянули.

Направив руку вверх, он опять представил вырывающееся из неё пламя. Ревущий поток огня, постепенно затухая, унёсся в небо, а внутри опять появилось неприятное чувство холода, которое, впрочем, быстро проходило. Сергей попробовал выпустить несколько файерболов подряд, но ничего не вышло, только чувство внутреннего холода усилилось, да аппетит опять разыгрался.

После ряда экспериментов, выяснилось следующее: пока не пройдет чувство холода, запустить следующий шар не получится, и после каждого выстрела времени на восстановление уходит все больше и больше.

Ну и что это, если не магия? Магия, конечно. А значит, вся стройная цепочка его логических рассуждений рассыпалась в прах. Перенесло его не в Древнюю Русь, а в самый, что ни наесть настоящий магический мир. И задача перед ним стоит, отнюдь, не объединение Руси, а ..., что там попаданцы в мире магии делают? Ловко спасают его, конечно, а от чего? Все проблемы в основном начинаются с того, что кто-то решает спасти мир, но сомневается от чего. А спасать обычно надо от Тёмного Властелина. Сражаться с ним Сергеем очень не хотелось.

Если какие-то волки его едва не перемножили на ноль, то уж местный Властелин сожрёт новоявленного мага с его скромными умениями, точнее одним умением – запускать файерболы, даже не поперхнувшись.

Да и в целом, быть на светлой стороне силы утомительно. Положительные герои все время что-то делают: мир ловко спасают, со злодеями бьются, короче, там работать надо. Лучше уж Темным Властелином быть, знай себе, делай всякие пакости и никаких забот.

И вообще, хватит опять гадать на кофейной гуще, надо собирать информацию об этом мире, и выводы делать на основе фактов, а не досужих вымыслов.

Для начала, например, попробовать аккуратно расспросить «Машу». Толку от девочки младшего школьного возраста, да ещё и со сдвигом в голове, вряд ли будет много, но попробовать-то можно?

Та перестала носиться вокруг и стояла, восторженно раскрыв рот, при виде устроенного дядей волшебником бесплатного фейерверка.

Прокашлявшись, Сергей осторожно начал разговор:

– Из-за этих волков мы так и не познакомились. Как же тебя зовут?

Поняв, что зрелище закончилось, девчушка немного разочарованно перевела взгляд на него и, изобразив нечто вроде книксена, очень напомнившего те нелепые реверансы, которые исполняла британский премьер-министр Тереза Мэй перед членами королевской семьи, совсем по-взрослому представилась:

– Виктория Фома, сударь.

– Хм, очень хорошо, а я ..., – тут он задумался, называться своим настоящим именем было не разумно, вряд ли оно имело хождение в этом мире и могло вызвать много ненужных вопросов.

Назваться римским именем? Тем более что Виктория, это от Виктор, а Виктор это полатыни победа, а значит, римские имена тут в ходу. Но это тоже будет выглядеть странно, имя местное, а сам явный чужестранец. Да и не помнил он римских имён, разве что всяких там императоров: Юлий Цезарь, Октавиан Август, Лев Фракиец, но последний вроде византийский был.

Хотя, Лев, вроде как имя, а вроде как и нет, всегда можно будет сказать что это прозвище, а с именем попозже определиться. А вторым именем можно своё переиграть, тоже на прозвище будет похоже. Значит, пока придётся побыть Серым Львом, а дальше будет видно. Приняв решение, он продолжил беседу:

– ... а меня можешь называть Лев, – и добавил, – Лев Серый.

Ничего не ответив, та ещё раз изобразила танец беременной утки и преданно уставилась ему в глаза.

– А скажи-ка мне, Виктория, где вы с отцом живете?

Вздыхнув от столь глупого вопроса непонятливого взрослого, та ответила:

В домусе, конечно, где же ещё?

– Ах да, ну конечно же, в домусе. А домус большой, сколько в нем комнат?

– Одна.

– Ну да, правильно, меньше и смысла нет. А где ваш домус находится?

Взглянув на него уже совсем разочарованно, девочка махнула рукой куда-то вперёд, по направлению их движения.

– Хорошо, очень хорошо. А домус стоит в городе? – подошёл он с другого бока.

– Не, город там, – она махнула рукой в противоположную сторону.

– Ага, значит там город. И как он называется?

– Город, – ответила Виктория, явно теряя интерес к такому бессмысленному разговору.

Новоявленный Лев предпринял последнюю попытку что-то выведать у слабо разбирающейся в географии девочки.

– А чем твой отец занимается?

– Он награду даёт, тем, кто меня от волков спасает.

– Ну, а ты сама, чем занимаешься? В школу, наверное, ходишь?

– Я в лес хожу, чтобы меня от волков спасали, – ответила та и, окончательно потеряв к нему интерес, побежала в сторону какого-то куста, где алели редкие красные ягоды.

«А разговор-то не задался», – подумал Сергей, и они продолжили свой путь.

Девочке скоро надоело носиться кругами, она подбежала к своему спасителю и взяла его за руку. Какое-то время они молчали, затем Виктория спросила:

– А ты о чем сейчас думаешь?

– Да так, ни о чем...

– И я ни о чем! – обрадовалась та общности интересов.

Сергей рассеянно ответил:

– Тебе-то легче, у тебя мозгов нет..., – и, встрепенувшись, посмотрел на девочку, не обиделась ли? Вроде нет, она явно думала ни о чем или, как сама выразилась, ни о чем не думала. Или просто не поняла смысл сказанного, с мозгами у неё, действительно, были явные проблемы. И дальнейший путь они продолжили уже молча, каждый думая, или не думая о своём.

Идти пришлось недолго, уже через полчаса субъективного времени (часы отсутствовали), они вышли из лесу на опушку, с которой начинались аккуратные лоскутки полей-огородов. За ними виднелся небольшой посёлок, окружённый деревянным частоколом. Лесная тропинка превратилась в вымощенную булыжником дорогу с рваными, без бордюров, краями. Они двинулись по ней к распахнутым настежь воротам.

На воротах никакой охраны не наблюдалось. Охрана, в виде вооружённых копьями молодых людей, курсировала между краем леса и огородами, на которых копошились какие-то люди, откровенно крестьянской наружности. На путников посматривали с интересом, но не более.

Миновав ворота, они не стали углубляться вглубь посёлка, а повернули в сторону, к стоящему прямо возле частокола солидному каменному дому.

Виктория по-прежнему скакала впереди, а Сергей старательно крутил головой, стараясь получше рассмотреть первый увиденный им населённый пункт магического мира.

На первый взгляд ничего необычного, разве что необыкновенно чисто, и неизменный атрибут отечественных деревень и весей – заборы отсутствовали напрочь.

Но долго изучать окружающую обстановку не получилось, они уже приблизились к цели. Возле дома, скрестив руки на груди, стоял высокий красивый мужчина, лет сорока-сорока пяти. Орлиный нос, короткие кучерявые волосы, на которые так и просился лавровый римский венок, и диссонирующая с этой внешностью античного героя одежда – похожий на Сергеев «кафтан» и штаны, только не из кожи, а из какой-то плотной сероватой материи.

Виктория подбежала к мужчине, радостно его обняла, затем отстранилась и представила спутника:

– Отец, это дядя Лев Серый, он меня от волков спас.

Тот потрепал девчущку по голове и представился сам:

– Ну, здравствуй господин хороший, привет тебе, а я Виктор Фома, фермер, и я благодарю тебя.

Он слегка склонил голову, как бы подчёркивая свою благодарность, хотя в тоне, которым он это произнёс, особой благодарности не чувствовалась. Таким тоном, обычно, благодарят в общественном транспорте, когда передают за проезд.

Сергей, если честно, был слегка разочарован, не на такую реакцию он рассчитывал. Даже если бы девочка просто заблудилась в лесу, это уже стресс для родителей, а тут любящему папаше говорят, что его чадо чуть волки не сожрали, а он – «благодарю тебя». Между тем фермер продолжил:

– И сколько волков было в этот раз?

И опять его тон показался ему каким-то неправильным, как будто преподаватель интересуется очередной причиной опоздания на пару, мол, что вы на этот раз придумали. Сергей сухо ответил, чётко проставляя ударения:

– В ЭТОТ раз их было три. Один чёрный и два серых.

– Один чёрный говоришь, – и, повернув голову, проговорил, как бы ни к кому не обращаясь, – мало того, что у страха глаза велики, так у многих они ещё и на заднице растут. И что, вот так взял и зарубил их этой... – он, сделав паузу, и скосив уничижительный взгляд на разукрашенную драгоценными камнями рукоять, закончил, – ... сабелькой?

– Кого зарубил, кого огнём пожёг, а кого и то и другое. – Сергей предъявил фермеру кончики отрезанных хвостов. Голос фермера сразу потеплел.

– Так ты маг?

– Есть немного.

– Не признал сразу, а мог бы догадаться. Раздобрел, теряю хватку, – он горестно вздохнул, – глянул, что руки голые, а маги-то они все с камнями, сколько на пальцы налезет, носят. Прошу в дом, – и приглашающе махнул рукой.

Внутри дом выглядел пустовато. Шкаф, большой стол с двумя лавками посредине и огромный сундук в углу, возле ведущей на второй этаж лестницы.

Хозяин достал из шкафа два высоких кубка, налил в них вино из непрозрачной глиняной бутылки и, протянув один из них магу, продолжил свою речь:

– Виктория, она не совсем мне дочь, я же не из местных, с легионом сюда пришёл. Предложили остаться, местных поучить. Места здесь беспокойные, до города далеко, а до леса близко. Эльфы тёмные пошаливают, да и прочей нечисти хватает. Бароны ихние, они хоть и мечом горазды помахать, только кто из них сюда поедет, да ещё с чернью возиться. Вот мне и предложили.

А что, платят неплохо, землю под ферму дали, дом. Я и прижился, говор ихний освоил, как видишь. Молодняк, кого покрепче, учу с оружием управляться, ополчением команду, как набег.

Отца Виктории, кузнеца местного, эльфы тёмные забрали, а от них, сам знаешь, не возвращаются. У неё тогда и имени-то не было, это я ей своё уже дал, когда она ко мне прибилась.

А что, хоть не так одиноко и за ней присмотр какой-никакой. Да только лес её фортуна, вот и тянет туда. А что я сделать могу, на цепь ведь не посадишь. Вот и плачу награду, кто приводит её, на мне теперь фортуна её. И тебе топор дать должен, да ведь не нужен он тебе? – и он вопросительно глянул на гостя.

– Не нужен, – согласился Сергей.

– А награду дать должно, без этого непорядок будет. Подумай тогда сам, чем я тебя отблагодарить смогу?

– Есть у меня одна беда, память у меня отшибло. Может где досталось по голове крепко, ничего не помню, а это, знаешь ли, напрягает. Ты бы мне рассказал, где мы, какой тут город поблизости, ну и вообще, что у вас тут и почём.

– Что у нас тут и как, я тебе и так расскажу, а награду я тебе дать все одно должен, моя фортуна теперь. Вот, возьми, – он подошёл к сундуку и, раскрыв его, вынул небольшой охотничий нож в кожаных ножнах, – у тебя нету, а пригодиться всегда может.

А находимся мы в славном королевстве Аркиания, почти на самом его краю. Ближний город, Мескарель, в двух днях пути от нас будет. За ним только Пуэрто-Драко, а там уже и пустыня Катахари начинается.

«Очень информативно», – подумал Сергей

– А Рим, хоть, в какой стороне?

– О каком Риме ты говоришь?

– Ну ты-то кто? Откуда твой легион пришёл?

– Я? Из Претории, конечно. Странный вопрос, ты что ж и этого не помнишь? Мне тоже память доводилось терять и не раз, но, что было изначально, я никогда не забывал. Да и чтоб другие забывали, не слышал про такое.

– А я вот не помню, видно мне особо сильно по башке досталось.

– Это странно, очень странно. Тебе в город надобно, к магам, глядишь, кто и поможет. До столицы, конечно, далеко, но и в Пуэрто-Драко кое-кто есть. Не самые сильные, конечно, но город приграничный, совсем без магов никак нельзя. Лучшие, они понятно, как беды наши начались, в столицу побегали, шкурки свои берегут, а на границу их за провинности всякие отправляют.

– А как до этого вашего Пуэрто-Драко добраться, подскажешь?

– Не доберёшься ты сам, граница тут совсем близко, тут не только лесные тёмные, к нам и орки забредают. Тут и рейнджеру в одиночку не пройти, а уж магу и думать не смей.

Ты вот что, мой центурион бывший, он хоть из всадников, но тоже тут остался. Хотя, это он остался, это я тоже, уже за ним, ну и пара наших ещё. Сам, быть может, и не решился легион бросить, но не об этом речь. Они из местных, кого я обучил и кто покрепче, ватагу сколотили, караваны сопровождают. Не легион, конечно, но с какого конца за копьё братья понимание имеют.

Так вот, они сейчас с караваном ведомым у нас стоят. Завтра на границу уходят. Иди в таверну, найдёшь там центуриона Люция Верона, попросишь взять с собой. Скажешь от декана Виктора Фомы, это я, коль забыл, хе-хе память-то у тебя слабая, – он хлебнул из бокала вина, которое уже начало оказывать своё действие, приведя бывшего «декана» в весьма благосклонное расположение духа, и продолжил, – скажи, что я поручаюсь. А что? Могу. И прав буду! Ты дочь мою от волков отбил? Отбил. Не хлипкок, значит, обузой не будешь, а где и помочь сможешь. Вот прямо сейчас и иди. Пошли, Лев Серый, дорогу укажу.

И взяв Сергея под руку, потянул того к выходу. Выйдя из дома, он махнул рукой куда-то в сторону центра посёлка и сказал:

– Вот прямо по дороге и иди, там у нас таверна и постоялый двор и, икнув, добавил, – won't miss it. А хвосты трактирщику отдашь, за них награда от общества положена.

Сергей, пожав плечами, двинулся в указанном направлении. По дороге он не столько изучал однообразную архитектуру посёлка, сколько размышлял над полученной информацией, стараясь как-то разложить её по полочкам. Та раскладываться не хотела, и на полочках зияли огромные прорехи.

Римские легионы с центурионами и, как их там, деканами есть, а самого Рима нет. Вместо него какая-то Претория, которая вроде как в его мире в Южной Африке была. Там были зулусы, апартеид, Нельсон Мандела, до этого англо-бурская война, но никак не легионеры.

Сами они находятся в каком-то королевстве, где водятся эльфы, орки и ещё кто-то. Маги в этом мире тоже есть, но у них какая-то беда случилась, и они в столицу сбежали. Неплохо было бы узнать какая именно, может это и его касается, и ему тоже бежать надо, но натурализованный легионер и так подозрительно на него глядел, явно не очень веря в столь сильный удар по голове. И что значат его слова, что он тоже память терял и неоднократно? Тут что, амнезия воздушно-капельным путём передаётся?

За этими размышлениями, он не заметил как вышел на небольшую площадь, в центре которой стоял двухэтажный каменный дом с вывеской «Fat Cat». Для непонятливых, была изображена откормленная кошачья морда с толстым куском домашней колбасы во рту.

Внутри царил расслабляющий полумрак. Тусклый вечерний свет едва проникал через маленькие, но достаточно чистые, для заведения общепита, окна. Несмотря на самое подходящее для позднего ужина время, заведение, практически, пустовало. Из десятка массивных дубовых столов занято было только два.

За одним сидела пара, судя по внешнему виду, крестьян, которые вели неспешную беседу, что-то потягивая из огромных глиняных кружек. За вторым сидело трое мужчин, одетых более прилично и при оружии.

Хотя на них были одеты не римские тоги, а вполне обычная одежда, но коротко остриженные вьющиеся волосы и лица, лица древних римлян, но не те утончённо-брезгливые, периода упадка империи, а решительные, волевые с гордыми «грузинскими» носами двоих из них не оставляли сомнения в их национальной принадлежности.

Третий, хоть и не обладал выдающимся носом, но компенсировал этот недостаток лихими, закрученными вверх усами, чем необыкновенно походил на героя гражданской войны – Василия Ивановича Чапаева.

Направившись сперва к предполагаемому трактирщику, а кем ещё мог быть мужчина в переднике, протиравший за небольшой стойкой бокалы какой-то грязной тряпкой, он молча выложил перед ним трофейные хвосты. Тот, бросив на них мимолётный взгляд, смахнул хвосты за стойку и также молча выложил перед собой пару монет. Сергей подвинул их обратно и сказал:

– Аобрази-ка мне, любезный, что-нибудь перекусить, ну и выпить соответственно, – и, глядя как исчезают деньги, грустно добавил, – сдачи не надо.

Любезный кивнул и, оставив в покое свои кружки, двинулся куда-то вглубь помещения.

Разместив заказ, Сергей направился к орлиноносой троице, по дороге продумывая свою речь.

Это же все-таки не фермер, а всадник. Насколько ему помнилось, в Риме это было нечто вроде дворянского звания. Тут надо не ударить лицом в грязь. Как, кстати, на латыни здравствуй – салют? Нет, это по-французски, там какое-то смешное слово было, веселись? Нет, не веселись, как-то по-другому. Откуда-то из памяти выплыло слово «радуйся». Вроде оно? Точно, радуйся. Дурацкое приветствие, ну да ладно. Он направился к столу, на ходу прислушиваясь к их разговору.

А «грузины» вели неспешную беседу. Об извечном, об мужском – о бабах.

– ... красоты она была чудной, такой неопишуемой, что и слов-то в человеческом языке, достаточных для описания и прославления её не найти, – увлечённо рассказывал один из ост-

роносых мужчин, одетый более богато, чем остальные, – губы её нежнее роз, а уста её слаще мёда, поцелуй же её пронзал меня сильнее пчелиного жала. Часто я козлят целовал, целовал и щенят, и телёнка, но её поцелуй – что-то новое. Страсть моя распалась и не давала покоя, не оставляя в голове мыслей ни на что другое.

Вот и стал её просить, чтобы она уступила в том, чего я желал более всего: нагою с нагим полежала бы со мною. «Ведь это одно, – говорил я, – осталось, чего не исполнили мы. Единственно здесь ведь то средство, что нашу любовь успокоит. Целовались мы – и без пользы; обнимались – лучше не стало. Так, значит, лечь вместе – одно лишь лекарство от любви. Испробуем и его: верно, в нем будет что-то посильней поцелуев».

Когда же она задала вопрос, что ж есть ещё больше, чем целовать и обнимать, и что же ещё я делать задумал, если будем мы, оба нагие, вместе лежать, я ей отвечал: «То же, что бараны с овцами и козлы с козами. Разве не видишь, что после того, как дело сделано, овцы и козы от них не бегут, а те не томятся, гонясь за ними, но, как будто взаимно вкусив наслаждения, вместе пасутся. Видимо, дело это сладостно и побеждает горечь любви». – «Но разве не видишь ты, Люций, что и козлы с козами, и бараны с овцами все это делают стоя, и козы и овцы, тоже стоя, их принимают. Те на них скачут, они же спину им подставляют. А ты хочешь, чтоб я вместе с тобою ложилась, да ещё и нагая; смотри, ведь их шерсть гораздо плотнее моей одежды».

Пока мы так говорили, у обоих в душе и теле проснулось сильное желание. Наконец, доведённая невыносимую страстью до ужасного возбуждения, она поддалась уговорам моим. Сбросив все одежды, раздевшись догола, мы совсем нагие, вместе улёглись рядом на траве и долгое время лежали, обменивались тысячей поцелуев, стараясь, чтобы наслаждение наше обрело силу.

Красота её тела звала и влекла к наслаждению. Уже то и дело смыкались наши уста и раздавались звонкие поцелуи; уже переплелись наши руки, изобретая всевозможные ласки; уж слились в объятии наши тела, и начали понемногу соединяться и души.

Не умея то сделать, к чему страстно стремился, я поднял её и, сзади обняв, к ней прижался, козлам подражая. И, ещё больше смутившись, сел и заплакал: неужели ж я даже баранов глупее в делах любви?

Увидев горе моё, она ко мне прижавшись, принялась обнимать и утешать, ненароком наведя на ту дорогу, которую я до сих пор безуспешно отыскивал. А потом уже все оказалось простым и понятным: природа сама научила остальному.

Бессонную ночь провели мы тогда, меньше спали, чем совы ночные. По примеру этой ночи прибавили к ней и других подобных немалое количество.

Приблизившись к столу, Сергей дождался пока мужчина закончит делиться с собутыльниками подробностями своего первого сексуального опыта, вежливо прокашлялся и вмешался разговор:

– Радуйтесь, я хотел бы поговорить с центурионом Люцием Вероном, не знаете где его можно найти?

Все трое недоуменно переглянулись, и рассказчик, который сидел в центре, ответил:

– Радуйся и ты незнакомец, если у тебя есть чему. Все центурионы остались в Претории, а я начальник охраны каравана, бывший центурион Люций Верон, не меня ли ты ищешь?

Тут Сергей запоздало вспомнил откуда именно из его памяти вылезло это дурацкое «радуйся» – из книги «Легенды и мифы Древней Греции», именно так приветствовали друг друга древние греки. А для этих неправильных римлян, которые, скорее всего, о греках и слыхом не слыхивали, оно прозвучало не просто дурацки, а совсем по-идиотски. Слегка покраснев от смущения, он продолжил:

– Меня зовут Серый, Лев Серый, – поправился Сергей. В голове мелькнула мысль, – «Что я тут за бондиану развёл? Прямо как Бонд, Джеймс Бонд. Интересно, а если бы на моем месте

был Ван Дамм, как бы он представлялся? Дамм. Ван Дамм. Жан-Клод Ван Дамм? Да что за ерунда в голову лезет?!», – он встряхнул головой, усилием воли изгоняя посторонние мысли и продолжил, – мне посоветовал к вам обратиться ректор, бывший ректор, Виктор Фома...

– Ректор? – с удивлением перебил его Люций Верон, – я хорошо знаю Виктора Фому, он был деканом в моей центурии, но ректором он никогда не был. Или ты говоришь о каком-то другом Викторе Фоме?

Сергей совсем смутился, вот так не ударил лицом в грязь!

– Да нет, мы говорим об одном и том же человеке, я просто немного перепутал. У меня тут, понимаете ли, с памятью некоторые проблемы.

– Перепутал ты совсем не немного, но мы понимаем, – серьёзно кивнул бывший центурион, – так о чем ты хотел поговорить со мной?

– Мне надо попасть в город, этот, как его, Порто–Драконо и ваш ректор, то есть декан, то есть бывший декан, ну Виктор Фома, короче, он посоветовал к вам обратиться. Сказал, что сможет поручиться за меня, вот.

Сергей окончательно запутался и покраснел.

– Мы действительно идём в Пуэрто-Драко, – задумчиво проговорил Люций Верон, скептически оглядывая собеседника, – и лишний боец нам совсем бы не помешал, этот участок пути всегда был достаточно опасным. Но просвети меня, что могло заставить Виктора Хому поручиться за тебя. В нем говорило выпитое с тобой вино или у него были для этого иные основания?

– Может то, что я убил трёх волков? Одного серого и двух белых, то есть двух серых и одного чёрного.

– Что, вот этой ... саблей? – неподдельно изумился Люций.

История повторялась, Сергей тяжело вздохнул и ответил:

– Маг я, файерболом, то есть огненным шаром их спалил. Саблей только добивал.

– Маг? Тогда понятно. Расскажи про себя коротко.

– Ну, я – это я.

Собеседник улыбнулся:

– Не настолько коротко. Какие ещё боевые заклинания ты знаешь?

– Огненный шар и все.

– И все? – бывшие легионеры недоуменно переглянулись. – Это мало, очень мало, даже для потерявшего память, – голос Люция явно поскущел, – а как часто и на какое расстояние кастуешь?

– Метров на тридцать, где-то раз в пять секунд, то есть ударов сердца. Потом пореже.

Его собеседники опять переглянулись, теперь уже изумлённо.

– Тридцать метров, пять секунд – это серьёзно, это очень серьёзно. – Задумчиво протянул Люций Верон. – И, кстати, Лев, я не плебей и знаю что такое файербол и что такое секунда, можешь говорить со мной нормально. В общем так, три золотых тебя устроит?

Сергей обречённо полез в свою сумочку и, достав золотые монеты, выложил их на стол.

– Это что? – глаза у Верона изумлённо полезли на лоб.

– Как что? Три золотых.

– Ты не понял, это я приглашаю тебя присоединиться к охране каравана, за три золотых в день. Еда и кров за счёт нанимателя, устраивает?

Сергей молча кивнул.

– Вот и отлично! Переход будет тяжёлым и маг нам совсем не помешает. Это мои помощники, Валерий Солон и Стасий Фалько. Валерий был деканом в моем легионе, а Стасий командовал десятком городской стражи. Ныне оба десятники в караване.

Тут к их столу подошёл трактирщик с какой-то доской, выполняющей роль подноса, на которой стояли дымящаяся миска и глиняный кувшин. Люций знаком показал чтобы еду поставили на их стол и продолжил:

– Присаживайся, – он жестом указал на принесённую еду, – за это заплатишь сам, а с завтрашнего дня ты на нашем довольствии. Переночевать можешь здесь, трактирщику я скажу. Завтра с рассветом выходим, будь готов. Все, не будем тебе мешать, до завтра.

Бывшие легионеры поднялись и направились к выходу, а Сергей наконец-то набросился на еду.

В миске была какая-то каша с кусками мяса, а в кувшине вино. Еда была необыкновенно вкусной, Сергею казалось, что в своей жизни он не ел ничего вкуснее. Хотя, может он был просто очень голоден. Ведь не зря говорят, что на голодный желудок невкусной еды не бывает. Он старался есть не очень жадно, но миска быстро опустела, а за ней и кувшин с невероятно кислым, сильно напоминающем знаменитое «Бургундское» вином.

В своё время Сергей не удержался и купил на пробу бутылку столь разрекламированного писателем Дюма напитка. На вкус любимое пойло мушкетёров короля напоминало уксус, на бутылку с которым, по недоразумению, наклеили винную этикетку. Тогда оно было с презрением вылито, сейчас же он оказался менее привередлив.

Подойдя к трактирщику, Сергей попросил проводить его в свою комнату и прямо в одежде завалился на низкий топчан, застеленный какой-то звериной шкурой.

Молодой человек лежал на спине и бессмысленно таращился в потолок. День полный приключений, которых иному хватило бы на всю жизнь, не вызывал у него никаких эмоций. Наверное, он просто перегорел и был уже не способен ни думать, ни анализировать, ни даже удивляться всему произошедшему.

Так он и лежал в состоянии какого-то умственного оцепенения, пока его, наконец, не сморил долгожданный сон.

Глава 4. Ох, рано встаёт охрана

– Тревога, тревога, нападение! – прорвался сквозь сон испуганный детский крик.

Сергей пришёл в себя уже на ногах, руки лихорадочно застёгивали пояс с саблей, а ноги сами несли его прочь из комнаты. Казалось, тело действовало само по себе без его участия. Он выскочил в коридор и, заметив кубарем скатившееся по лестнице тело мальчишки-прислужника, бросился следом.

В зале царил неторопливая суэта. Большинство посетителей сидело за столами, спокойно поглощая нехитрый завтрак. Трактирщик, с пустым подносом, целенаправленно двигался к своей стойке, а несколько человек, с походными сумками в руках, что-то обсуждали у дверей.

Сергей остановился и окинул трактир взглядом. Посетители вели себя на удивление мирно и буднично. Никто не размахивал оружием, в дверь не ломались вооружённые люди. Даже неизменных спутников любого сражения, испуганных или яростных криков и тех не было слышно. В целом, обстановка в заведении никак не походила на отражение вражеской атаки.

В дальнем углу он заметил Люция Верона, и испуганно жавшегося к нему пацанёнка. Потихоньку вскипая, он направился в их сторону с явным намерением надрать шутнику уши. Заметив его сердитое лицо, мальчишка явно струхнул, понимая, что по голове его гладить никто не собирается. Сергей уже начал демонстративно закатывать рукава, но был остановлен голосом центуриона:

– Не гневайся на этого юношу, благородный Лев, – сказал тот, поднимая руку в приветствии и как бы останавливая его. – Сон твой был крепок настолько, что, несмотря на все свои усилия, он так и не смог тебя разбудить. Я взял на себя смелость посоветовать ему старый способ легионеров. И как вижу, он сработал, – Люций приветливо улыбнулся, добавив, – меч ли в руках или магический жезл, воин всегда остаётся воином, а боевой маг, по сути своей, тот же воин. А ничто так не бодрит дух воина, как чувство близкой опасности. И я рад видеть тебя в бодром здравии и готовности к сегодняшнему дню, который будет нелёгким. Присаживайся за стол и отведай нашей скромной пищи.

Он широким жестом указал на свободное место возле себя. Сергей, успокаиваясь, присел за стол, по пути не удержавшись и выделив символический подзатыльник побледневшему от испуга пареньку, на который тот, впрочем, нисколько не обиделся. Скорее, был рад, что за шутки с боевым магом отделался так легко. Похоже, принцип: «А мог бы и шашкой рубануть» действовал и в этом мире.

Не ускользнул от внимания и выданный авансом комплимент про боевого мага. Вероятно, Люций действовал по принципу – как мага назовёшь, так он и колданёт. Хотя приставка «боевой» немного смутила. Веяло от неё чем-то очень опасным. В голове промелькнула картинка выскакивающих из окопов бойцов, упал сражённый пулей знаменосец, сербские женщины с табличкой «Я мишень» печально смотрели в небо и трупы, трупы, трупы... И не факт, что эти трупы были исключительно вражеские.

Где-то, в углу картинке, лежал заваленный мёртвыми телами человек в изорванной мантии, очень похожей на кафтан Сергея, а возле него валялся сломанный пополам жезл.

Интересно, а как тут со статистикой смертности у боевых магов? Получать орден имени какого-нибудь местного знамени, с гордой приставкой «Боевой» и ещё, не дай Бог, посмертно не хотелось. Но что делать, назвался груздем, полезай в кузов.

Сергей вздохнул своим невесёлым мыслям и приступил к еде. Завтрак не сильно отличался от своих собратьев, предлагаемых в недорогих европейских отелях. Кувшин с молоком, свежие, ещё тёплые булочки, масло, вместо джема – мёд в глиняном блюдечке. Для полного

комплекта не хватало только кофе. Кофе он любил, если в этом мире он отсутствует, то это будет большой потерей.

Макнув булку в мёд, он налил себе молока и ещё раз оглядел зал. Несмотря на ранний час, трактир был, практически, заполнен. Посетители, в основном молодые крепкие парни, неторопливо поглощали тот же стандартный набор продуктов питания, который был на столе у Сергея. Надетые на них грубые кожаные куртки, пошитые на манер доспехов и сваленное возле столов оружие не оставляли сомнений, что это и есть охрана каравана. Те самые ребята из местных, которые, как говорил Виктор Фома, хоть и не легионеры, но с какого конца братья за оружие разумение имеют.

Охранники, заканчивая еду, вставали из-за столов и выходили во двор. Зал уже почти опустел, как бы намекая, что труба зовёт и сильно расслаиваться не рекомендуется. Сергей торопливо дожевал свою булочку, сделал большой глоток невероятно вкусного парного молока и двинулся следом за остальными караванщиками.

Двор встретил шумом, гамом и слепящим солнечным светом, особенно ярким после полумрака помещения. Оживлённый людской муравейник тянулся к стоящим за воротами мощным, тяжелогружёным телегам. Массивные двойные борта из толстых досок, металлические защёлки по углам придавали им сходство с кузовом грузового ЗИЛа. Только вместо кабины спереди располагалась упряжь с лошадьми.

Выстроившийся в ряд хвост из телег и лошадей чем-то неуловимо напоминал готовящийся к отправке поезд. Это сходство усиливала лёгкая привокзальная суматоха. Люди подбегали к телегам, закидывали в них какие-то сумки, скорее всего не товар, а личные вещи и снедь. Кто-то оставался и залазил в телегу, кто-то убегал за новым грузом. Какой-то мужичок, до боли напоминавший путевого обходчика, проверял копыта у лошадей. Все вокруг указывало на то, что процесс сборов был близок к завершению.

Двери таверны в очередной раз распахнулись, и в проёме показался Люций Верон. Выйдя на улицу, он остановился и окинул процесс сборов хозяйственным взглядом. Суета усилилась, даже те, кто уже занял свои места, вскочили и забегали вокруг телег. Похоже, что старый армейский принцип: «Спокойно лежащий на койке солдат, с приходом командира, сразу превращается в нагло валяющегося», тоже имел здесь силу.

Заметив скромно стоявшего в уголке Сергея, Люций неспешным шагом подошёл к нему и поманил за собой, рассказывая на ходу:

– Лев, все мои люди не первый раз в походе, и каждый знает своё место и задачу. Ты же с нами впервые, поэтому выслушай мои наставления. Участок пути отсюда до Мескареля весьма опасен. Здешние леса густые и кишат тёмными эльфами. Редкий переход обходится без их нападения.

Тактика у них однообразная, но эффективная. Они не пытаются задержать караван, понимая, что в случае успеха будет битва, в которой многие сложат свои головы. Поэтому, все свои усилия они прикладывают к тому, чтобы обездвижить последнюю повозку. Иногда бывает разумнее бросить малое, чем останавливать караван и рисковать всем грузом.

Мы это понимаем и на этом их расчёт. Но допускать потери груза нежелательно. Мы взяли караван под охрану и отвечаем за его сохранность. Стоимость груза, потерянного в пути, будет вычтена из жалованья охраны, в том числе и из твоего.

Ты поедешь именно в этой повозке. Наши стрелки постараются не дать им приблизиться, но если их постигнет неудача, то вся надежда на тебя. Каждый человек это дополнительный груз, а мы не можем перегружать повозку. Если они доберутся до неё и их будет больше, считай, что груз потерян.

Чтобы этого не случилось, там находятся лучшие бойцы. С тобой будут десятник Стасий, он хороший арбалетчик и непревзойдённый мечник, а также наш лучший лучник – Андуриель.

Они постараются не подпустить их близко к обозу. Поэтому во время обстрела ты сидишь за бортом и не высовываешься.

Если лучники и арбалетчики не справились, по команде десятника ты должен будешь отсечь противников огнём и не допустить ближнего боя. Жги ближайших, но будь аккуратен и не подставляйся под стрелы. – Тут он повёл головой куда-то вбок и произнёс, – а вот и наш лучник, светлый эльф Андуриель. Идём я тебя представляю.

В груди у Сергея возбуждённо забилося сердце. Сейчас он увидит эльфа, настоящего живого эльфа! Он повернул голову в указанную сторону и недоуменно замер. Мифическое существо сказочной красоты, за один взгляд на которое многие толкиенутые подростки его мира пожертвовали бы всем на свете, больше напоминало Брюса Виллиса, чем Орlando Блюма. Блестящий гладкий череп, нелепо оттопыренные мясистые уши, один вид которых навевал мысли не об неземной красоте, а скорее, об наваристом мясном холодце.

– Эльф он что, лысый? – не смог сдержать своего изумления Сергей.

– Говори тише, – поморщился Люций, – Андуриель может услышать.

– А ты думаешь, он этого не знает?

– Знает, конечно, но лучше об этом не напоминать. Отсутствие волос – величайший позор для эльфа. И большая удача для нас. Он потерял волосы в результате магического проклятья и не смеет появиться среди себе подобных, пока оно не спадёт. Иначе б его с нами не было. Я с печалью жду того дня, когда он нас покинет, ибо равной замены ему нет. Ты поймёшь меня, когда увидишь его в бою.

Сергей ещё раз взглянул на телегу с сидящим на ней эльфом. Тот задумчиво смотрел куда-то вдаль и, казалось, не обращал никакого внимания на царившую вокруг суматоху. Когда они приблизились, Верон кратко его представил:

– Андуриель, это Лев Серый, боевой маг. Огненный шар, тридцать шагов. Он с вами, – и добавил для Сергея, – Андуриель, лучник.

Эльф на мгновение повернул голову в его сторону, посмотрел на него пронзительно голубыми бездонными глазами, молча кивнул и, отвернувшись, продолжил созерцание чего-то своего, неведомого.

Посчитав процесс представления окончанным, начальник охраны оглядел караван и, удовлетворившись увиденным, громко скомандовал:

– Все по местам, отправляемся!

Сергей перелез через высокий борт, пристроившись рядом с эльфийским лучником, и принялся наблюдать за процессом отбытия.

Погонщики стегнули лошадей, и телеги одна за другой начали медленно трогаться с места. Царивший до этого момента организованный беспорядок сразу же превратился в неуправляемый хаос. Люди забегали вокруг телег с удвоенной скоростью. Кто-то на ходу закидывал вещи, кто-то вытаскивал их из одной телеги и опрометью нёсся к другой, где-то впереди две телеги столкнулись между собой, вызвав яростную ругань командира и заминку в движении всего каравана.

Но через пару минут затор рассосался и, понукаемые погонщиками лошади, начали медленно, но верно набирать скорость. Караван отправился в путь.

Сергей лежал на тюке с чем-то мягким и, пожёвывая зажатую во рту соломинку, усиленно боролся со сном. Недосыпание вчерашнего дня, наложившееся на ранний утренний подъем ссуммировались и давали о себе знать, медленно, но неумолимо преодолевая его сопротивление.

Они ехали уже больше четырёх часов. Он, эльф и догнавшие их уже после отправки десятник с копейщиком. Последний обладал каким-то труднопроизносимым средневековым именем, которое было сразу забыто, а паренёк окрещён Петькой.

Если десятник напоминал Чапая, то копейщик был вылитой копией его верного адъютанта. Весел, белобрыс, конопат, с длинным русым чубом, выглядывающим из-под кожаного шлема, который он умудрялся лихо носить набекрень, прям как его исторический прототип папаху.

«Точно как в анекдоте», – подумалось Сергею, – «Петька, Чапаев, Фурманов и Котовский, только Анки не хватает». Роль Котовского он отвёл, конечно же, лысому лучнику, оставив себе должность комиссара ихней грузовой «тачанки».

Ехать было скучно. Сперва он, подражая эльфу, попытался изучать окрестности. Но однообразный пейзаж по обеим сторонам дороги, состоящих из глухих зарослей с редкими вкраплениями небольших полянок, быстро его утомял. Подивившись выдержке ушастого, который бесстрастно следил за монотонным чередованием деревьев, он подсел к десятнику и попытался его разговорить.

Тот, сидя на дне повозки, в узком проходе между тюками и бортом, большим, похожим на штык, ножом, беззвучно шевеля губами, что-то ковырял в своём арбалете. Инструмент больше подходил для потрошения крупного рогатого скота, чем для тонкого ремонта, и это «что-то» никак не хотело ковыряться, вызывая беззвучную ругань их командира.

Распросы Сергея особым успехом не увенчались. Не то, чтобы десятник отказывался отвечать, но это был далеко не римский патриций, который говорил, может быть немножко витиевато и старомодно, но свои мысли выражал вполне внятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.